

Семинар «Объективность и субъективность в науках о человеке»

25–26 мая 2002 г. в Гронингене (Нидерланды) состоялся семинар «Объективность и субъективность в науках о человеке», ставший третьей и заключительной встречей рабочей группы по истории наук о человеке, в которую входят историки Великобритании, Нидерландов и России. Первые два семинара состоялись в Москве (2000) и Нориче (Великобритания, 2001). На встрече в Гронингене участники обсуждали вопросы о том, как науки о человеке — психология, социология, антропология и физиология — конструируют то, что они называют «объективностью» и «субъективностью».

Первый ряд вопросов касался того, какое именно знание эти науки считают объективным, как выдвигаются и отстаиваются их заявки на объективность. Как правило, риторика объективности появляется в научных дискуссиях либо на начальном этапе создания какой-либо дисциплины, когда нужно в буквальном смысле «дисциплинировать» ее потенциальных участников, либо в тех случаях, когда уже существующей дисциплине что-либо угрожает и она должна отстаивать свое право на существование. В истории наук о человеке часто возникали такие ситуации, когда требовалось убедить научное сообщество, что эти науки, как и естественные и точные науки, имеют дело с твердым знанием, и риторика объективности была для этого полезным инструментом.

На семинаре эти темы были подняты в докладах Рода Бьюканана (Гронинген) «Ханс Айзенк: пророк объективной психологической науки», Владимира Умрихина и Александры Яковлевой (Москва) «Российская психология после Павлова и Бехтерева: в поисках объективности» и Иветт Бартоломе (Гронинген) «Случайная дисциплина: Дональд Кэмпбелл и преднамеренное основание кросс-культурной психологии».

Р. Бьюканан в настоящее время работает над биографией Ханса Айзенка, известного психолога, эмигрировавшего из

нацистской Германии в Англию. Историк показывает, что в работах Айзенка, выдаваемых им за образец объективности, встречаются случаи невольной или преднамеренной манипуляции результатами исследования для того, чтобы они лучше соответствовали исходным гипотезам.

В. Умрихин и А. Яковлева рассказали об исследованиях индивидуальных различий учениками В. М. Бехтерева и о последствиях для психологии так называемой Павловской сессии (1950). Только настойчивые уверения в объективности психологического знания помогли психологии как в 1930-е, так и в 1950-е гг. избежать участи «репрессированной науки».

Наконец, доклад Бартоломе показал, что судьба новой дисциплины, возникновение которой, как правило, сопровождается заявлениями о ее объективном характере, может существенно отличаться от первоначальных замыслов «основателя».

В том дискурсе, о котором шла речь в упомянутых выступлениях, антипод объективности — субъективность — всегда имеет негативный смысл. Но существует такой дискурс, в котором субъективность имеет положительное значение и даже может быть предметом той или иной дисциплины. Второй ряд обсуждавшихся на семинаре вопросов касался, таким образом, различных форм и способов представления субъективности (в значении «внутреннего мира») в науках о человеке. Речь шла о том, как психология, медицина и социальные науки с помощью методик экспериментирования и других манипуляций делают субъективность «видимой» и «ощутимой». Эти науки принимают свои правила и практики за аутентичное отображение субъективности, делают собственную риторику отправной точкой понимания личности. Тема столкновения вневличных правил с личным суждением, экспертных оценок с интимным знанием о самом себе, самовосприятием, получила развитие в докладах Родри Хэйворда (Ун-т Восточной Англии) «Ф. Л. Голла и

Маргиад Эванс: нейропсихиатрический романс», Джеймса Гуда (Дарэм) «Вильям Стефенсон и его наука о субъективности», Фрэнсиса Нири (Манчестер) «Миф открытия и основания в нарративах медицинской биографии: Дж. Чарнли и конструирование протезов бедра» и Лейлы Зендерлэнд (Калифорнийский ун-т) «Делая субъективность зримой: евристическая критика У. Липпмана и А. Майерсона».

Р. Хэйворд рассказал о писательнице из Уэльса, которая консультировалась по поводу своей эпилепсии у известного невропатолога; их встречи привели к духовному сближению, своего рода платонической любви, которой доктор дорожил, возможно, более, чем его пациентка. Докладчик, таким образом, опровергает стереотип, согласно которому рассказы пациента или самоотчеты испытуемого представляют собой «сырой», аморфный материал, который врач, психолог, вообще «эксперт» затем якобы оформляет, концептуализирует в научных категориях.

В докладе Дж. Гуда была дана иллюстрация того, каким образом психология XX в. пыталась представить «субъективность» в наглядном и количественном виде. Стефенсон, мечтавший о том, чтобы освободить человека от оков его субъективности, вознамерился создать такой психологический инструмент, который сделал бы возможным сопоставление индивидуальных миров. В результате он предложил так называемую R-методологию, вариант факторного анализа, предназначенную для того, чтобы соотнести мнение данного индивида с мнениями других людей, расположить их на определенной шкале. R-методология привлекает многих последователей, которые, как и Стефенсон, верят в возможность объективного и, в то же время, нередукционистского анализа субъективности.

Ф. Нири проследил историю создания протезов тазобедренного сустава и показал, что в этой области тоже есть свои «отцы-основатели». Объектом его внимания стали биографии одного из врачей, Дж. Чарнли. Их авторы используют рито-

рику «объективного описания событий», чтобы утвердить в сознании читателей свою версию истории. Так, по мнению докладчика, создаются мифы в истории науки и медицины.

Наконец, выступление Л. Зендерлэнд было посвящено двум критикам популярной в 1920-е гг. евристики — журналисту Уолтеру Липпману и психиатру Абрахаму Майерсону. Оба они использовали один и тот же критический прием — демонстрацию наличия субъективных элементов во внешне безупречно объективных аргументах евристик, в частности, оба они обратили внимание широкой аудитории на пропагандистский характер этих аргументов. Этому не мешало то, что Липпман считался одним из авторов американской политологии и «отцом пропаганды», а Майерсон, напротив, называл свои публикации в этой области «антипропагандой».

Доклад Роджера Смита (Ланкастер — Москва) «История наук о человеке» поднял более общий вопрос — что стоит за этим термином и когда, с какой целью и в каких контекстах выделяется такая группа наук. Этот доклад послужил началом дискуссии, в которой, кроме названных исследователей, участвовали голландские и российские коллеги: Труды Дехью, Дауи Драйсма, Мартин Дерксен, Стефан Петри, Кирилл Россиянов и Ирина Сироткина. Участники семинара согласились с тем, что в современной ситуации понятие «науки о человеке», хотя и не столь широко распространенное, как, например, «естественные науки» и «гуманитарные науки», тем не менее, способно сыграть очень важную роль. Так, оно описывает тот сегмент знаний о «человеческом в человеке» (говоря словами А. И. Герцена), который не охвачен никакими другими категориями. В отсутствие этого понятия о своей монополии на исследование человека заявляют такие дисциплины, как эволюционная биология и эволюционная психология, которые сводят человека к его биологической природе.

И. Е. Сироткина